

— М?

Линь Юйфань прикрыл лицо, и его взгляд на мгновение стал пронзительно ясным, но тут же он густо покраснел:

— Не думай, что если ты так поступил, я вас прощу! Говорю тебе, даже если ты омега, я... я...

Черт возьми! Он доставил ему удовольствие, какая гадость.

Лицо Линь Юйфаня пылало, и хотя его слова звучали грозно, тело предательски слушалось — он поспешно убрал феромоны, а глаза забежали, не смея встретиться со взглядом противника.

Шэн Тинцзин едва не рассмеялся от возмущения. Зря он вообще ввязался в драку — только противно стало. Тот даже ничего не почувствовал, напротив — показалось, что это очень даже захватывающе, и Линь Юйфань даже хотел повторить.

Впрочем, сложно винить его за такую реакцию... Шэн Тинцзин с детства был болезненным, сил у него было не больше, чем у котенка. Его удары напоминали мягкие кошачьи лапки: вроде бы он злится, а со стороны кажется, что просто кокетничает.

Кто догадается, что котенок без когтей злится? Конечно, все неправильно поймут.

Пока Шэн Тинцзину было тошно, словно он муху проглотил, один из зевак, назовем его А, продолжал прикрывать рот от удивления:

— Ого, это что, сценарий из молодежной дорамы?

Шэн Тинцзин пришел в ярость:

— Сценарий тебе в печенку! Раскрой глаза пошире: я альфа!

— Ой-ой-ой, — зевака А недоверчиво прикрыл рот, продолжая отпускать едкие замечания в адрес Линь Юйфаня: — Твоя любовь ускользнула, но не беда. Перед лицом настоящей любви пол не имеет значения. Уверен, ты обязательно проявишь настойчивость перед альфой, правда?

Кулаки Линь Юйфаня сжались:

— Заткнись, твою мать!

Видя, что скандал разгорается, Сюй Чжию поспешно схватил Линь Юйфаня, не давая ему снова

броситься в драку.

Но Линь Юйфань был вспыльчив и привык к вседозволенности. К тому же, узнав, что объект его симпатии — альфа, он ощутил такую унижительную насмешку, что ему до смерти захотелось уничтожить этого болтливого альфу.

— Линь Юйфань, успокойся! Это академия, а не улица.

Обычные издевательства над простолюдинами — это одно, словесные оскорбления аристократов — просто ссора между студентами, а выброс феромонов для дразнения омеги можно списать на дисбаланс в период гона. Но трогать друг друга нельзя.

Стоит распустить руки, как руководство академии не станет сидеть сложа руки. В лучшем случае — отчисление, в худшем — пострадает вся семья.

Сюй Чжию подал знак Чжао Ичэню, чтобы тот помог удержать Линь Юйфаня, но тот был на взводе и явно собирался идти напролом.

Зевака А продолжал подливать масла в огонь:

— Ой, как страшно! Однокурсник, защити меня, я ведь из-за тебя оскорбил этого ужасного альфу!

Шэн Тинцзин, которого этот парень без конца теребил, не знал, что и сказать. Какое ему дело до них? Разве тот нажил себе врагов не из-за собственного поганого языка?

— Твою мать, я тебя прикончу!

Линь Юйфань пер напролом, как бык, и трое не могли его удержать — он вырвался.

До лица зеваки А оставалось меньше полуметра, когда Гу Юаньцин поднялся, чтобы вмешаться, но Шэн Тинцзин быстро удержал его за плечо.

Гу Юаньцин не понял, но Шэн Тинцзин лишь покачал головой.

На воротнике белой рубашки зеваки А красовалась изысканная золотая пуговица с витиеватым узором, напоминающим странную птицу.

Это была брошь с девятиголовой птицей, символ прямой линии семьи Фэй. Если он не ошибся, этот альфа — третий сын, Фэй Чжун, которого семья Фэй отправила подальше, сославшись на болезнь.

О Фэй Чжуне он ничего не знал: тот никогда не появлялся в Хуанду, его личные данные имели уровень допуска SSS, он был даже загадочнее собственного отца. Даже если использовать информационную базу легиона, ничего не найти. Очевидно, этот человек — не кто иной, как опасный игрок.

Фэй Чжун легко увернулся от кулака Линь Юйфаня и, разозлившись, крикнул своим:

— Чего стоите? Бейте его! Я хочу, чтобы он ползал у моих ног и умолял о пощаде.

— Ой-ой, А Цзин, какой ты жестокий! Неужели правда не защитишь меня?

Шэн Тинцзин нахмурился, от этого приторного голоса по спине пробежали мурашки:

— Я тебя не знаю.

— А я тебя знаю! — Фэй Чжун прикрыл рот рукой и, словно делясь доброй новостью, указал на альф в классе: — Вы все еще не знаете этого прекрасного юношу? А Цзин такой удивительный...

— Заткнись.

— Ой-ой, А Цзин такой грубый! Раз не разрешаешь говорить, я не буду.

Линь Юйфань, внезапно оказавшийся на периферии внимания, был в полном замешательстве. Что происходит? Вы тут решили устроить шоу воссоединения семьи?

— Вы что, издеваетесь надо мной?

Фэй Чжун прикрыл рот, хихикая:

— Ну что ты! Я еще должен поблагодарить тебя за то, что дал мне шанс побыть героем-спасителем!

Сказав это, он резко переменился в лице. Теперь от него исходило величие истинного господина:

— Тебя зовут Линь Юйфань, верно? Давай на этом закончим. Всем будет лучше, если мы забудем обиды. Как тебе такое?

Хотя это прозвучало как вопрос, в его устах это было прямой угрозой, исполненной неоспоримого величия, от которой кровь стыла в жилах.

Сюй Чжию взглянул на невозмутимого Шэн Тинцзина и, кажется, понял ситуацию.

С самого начала их здесь никто не ставил ни во что. И если они терпели Линь Юйфаня до сих пор, то, скорее всего, только из-за этого альфы по прозвищу А Цзин.

Статус этого альфы был необычным, а тот, кого называли А Цзин, был еще загадочнее. Ни с тем, ни с другим им лучше не связываться.

Он сделал шаг вперед, заслоняя Линь Юйфаня, и виновато улыбнулся:

— Прошу прощения, что доставили вам беспокойство. Мой друг не хотел вас оскорблять. До начала урока осталось пять минут, мы не будем вас больше отвлекать. Может, поговорим после?

Фэй Чжун не стал упрямыться и снова расплылся в дурашливой улыбке:

— Конечно, так будет лучше. Поболтаем после урока.

Болтать с ними? Да кто захочет.

Мрачный блеск в глазах Фэй Чжуна мелькнул лишь на секунду, прежде чем он снова прилип к Шэн Тинцзину, как банный лист:

— Давай дружить!

Он хотел было ткнуть Гу Юаньцина, но, вспомнив, что тот омега, одернул руку и, кивнув, гаденько усмехнулся:

— Давай дружить.

Шэн Тинцзин счел его больным на голову:

— Отвали, дружи со своей сестрой.

— Какой холодный, — Фэй Чжун мог лишь с надеждой посмотреть на Гу Юаньцина.

Говорят, все омега — нежные, понимающие ангелы. Он-то точно захочет с ним подружиться.

Гу Юаньцин:

— Отвали.

Забавно. Омега, состоящий в таких тесных отношениях с Шэн Тинцзином, оказался весьма интересным. Неудивительно, что он сумел зацепиться за семью Шэн.

— Как жаль, ты правда не подумаешь еще раз?

— Ну правда-правда, не подумаешь?

...

С первым звонком на урок в дверях показался старческий силуэт.

Тан Син, мастер по созданию мехов, однажды уже учил Шэн Тинцзина. В конце концов, осознав, что тот — безнадежный случай, он со злости выгнал его, пригрозив: Не смей называть меня учителем, если встретишься с кем-то снаружи!

Сам профессор Тан не пришел — он использовал технологию объемной проекции, чтобы транслировать свой образ в класс. Вероятно, в силу возраста ему было тяжело передвигаться, и академия вошла в его положение, позволив преподавать из дома.

Тан Син поправил очки и, умело орудуя на панели управления, вывел основные положения урока на экран.

Он сделал глоток воды, поднял глаза и, решив, что у него начались возрастные проблемы со зрением, протер очки. Но фигура никуда не делась.

Шэн Тинцзин бесстыдно помахал рукой:

— Я снова вернулся!

Тан Син, будучи в преклонных годах, едва вынес такой удар. Он тут же пустил слезу и, качая головой, пробормотал:

— Эх ты... каждый раз одно и то же. Насколько ты планируешь задержаться в этот раз?

Шэн Тинцзин поднял голову и послушно ответил:

— Пока цель — дождаться, пока он закончит университет!

Уши Гу Юаньцина дернулись, он смущенно опустил голову.

Сказано это было слишком двусмысленно. Что значит «пока он закончит университет»? Звучит так, будто между ними какая-то особая связь.

Тан Син окинул взглядом этого ребенка и чуть не упал в обморок.

Поскольку обучение проходило через проекцию, он не мог разглядеть, альфа этот ребенок или омега. Видя их в классе, он по умолчанию решил, что Шэн Тинцзин влюбился в тщедушного альфу.

Тан Син с тяжелым сердцем принялся искать на столе лекарства — его вот-вот хватит удар от этого парня.

И хотя он злился на Шэн Тинцзина за то, что тот не оправдал ожиданий, Тан Син действительно любил его как собственного ребенка.

Из всей той группы студентов лишь Шэн Тинцзин обладал выдающимся талантом, учился быстро и с охотой.

Кафедра создания мехов не была популярной — у большинства детей не хватало терпения. Лишь Шэн Тинцзин был спокойным, рассудительным и лишенным типичного порока альф — высокомерия и пренебрежения к остальным.

Тан Син всегда возлагал на него большие надежды.

Он вложил в него всю душу, проявив терпение, которого не дарил даже собственным детям. Но этот мальчишка сказал, что не будет учиться — и бросил, не объяснив причин.

А однажды вдруг взбунтовался и заявил: Мир так велик, я хочу посмотреть на него.

Тан Син в ярости взял железную палку и выгнал его: раз уж мир так велик, иди и смотри!

Позже Шэн Тинцзин время от времени возвращался — каждый раз подавленный и разбитый, посидит немного — и снова полон сил.

Снова лезет куда не просят, а потом возвращается с ног до головы в ссадинах.

Как учитель мог не сочувствовать ученику? Но эта упрямая натура Шэн Тинцзина каждый раз перекрывала любые слова утешения, и со временем он перестал обращать внимание.

Он догадывался, что и в этот раз тот не задержится, но никак не ожидал, что он вернется с «альфой-парнем», да еще таким слабаком.

В семье и так один беспомощный, а тут еще один — даже сумки с продуктами принести не смогут.

Тан Син вдруг понял тех злых свекровей, что разрушают отношения, — он теперь чувствовал то же самое, ему нужно было разлучить их.

Но, несмотря на мысли, урок нельзя было откладывать.

Он бросил Шэн Тинцзину:

— Вечером приведи этого ребенка домой на ужин.

Затем он постучал по экрану, объявляя начало занятия.

<http://bllate.org/book/22360/2344197>